

зависимости «ранее — позднее»: возвращение мыслями и чувствами к давнему и недавнему вариативно и по затрачиваемым усилиям, и по содержательно-ценностному итогу.

Человеческая память сродни вечному возвращению в самой заманчивой его версии, без редукции возвращения к повтору. То, что «памятью» называют в компьютере, это аппарат повторения и хранилище информации, могущей в идеальном варианте неограниченно накапливаться и воспроизводиться. Человеческая память не автоматизированный склад и хранит не только информацию, но прежде всего совестливые смыслообразы. Она беспокойна, требовательна... и вместе с тем щадяща. Невыносимо помнить все: остроту невосполнимых потерь, скудость мелочных обид и льстивых похвал. Забыванием, фрагментарным конечно, память приходит нам на выручку. В проявлениях своих она не показушна: обитая в лабиринтах сознания, не просится на экран монитора и тусовочный подиум. Демонстративной ее пытается сделать история.

В отличие от памяти история говорлива, плакатно разрисована. Безмолвные пыльные архивы и стерильные спецхраны не должны вводить в заблуждение. Там покоятся исторические останки, ждущие своего помпезного перезахоронения. История с необходимостью нуждается в освидетельствовании, то есть в историографии. Памяти же не требуется дополнительное удостоверение (дневниковая запись настроена уже на исторический дискурс). История, притязая на внешнее признание, всегда готова пожертвовать и сокровенностью, и правдой. Память не отрекается от сокровенного и уживается, хоть и не без ссор, с правдой, они многое прощают друг другу. Не в пример памяти история беспощадна. Лишь немногих в своем сценарии она наделяет собственно субъектной ролью личности, остальным уготовлен статус объективированной массовки.

Историзм как мировоззренческий феномен и профессионально-цеховой инструментарий окончательно складывается в Новое время, в эпоху «смерти Бога» и линейно-прогрессистского ража, когда поклонение объективной закономерности оказалось вперемешку со «все дозволено». Отсюда и вытекающие несообразности. Историю пишут и переписывают победители-временщики. Сравнительное чтение их опусов вызывает горькую усмешку. Возьмем нашу страну. Три ныне живущих поколения учились по концептуально разным учебникам и оперируют некомплементарными историческими смыслами, что явно не добавляет согласия ни в семью, ни в большое общество. Сплачивает людей, по-настоящему сближает не история, а память, хотя она от человека к человеку содержательно уникальна, неповторима. Общая история не гарантирует единой судьбы — не обобщаемая память единой судьбе не препятствует.

История, не уразумевающая шаткость своих онтологических оснований, бесцеремонно предъявляет права на прошлое. Будучи ориентированной на общезначимость, она озабочена не столько прояснением своевременно непроявленных и непроясненных смыслов, сколько подгонкой интерпретируемых фактов под доминирующую на сегодняшний день интеллектуальную парадигму и господствующую идеологию. Память, обладая прочным субъектного толка основанием, не бравирует, тем не менее, правом на прошлое и не бежит от обязанностей перед ним. Память прошлому соперничает.

Треушников Илья Анатольевич,

доктор философских наук, доцент, начальник кафедры философии Нижегородской академии МВД России

Рефлексия правосознания сквозь призму религиозной философии

Формирование правосознания в качестве формы общественного сознания представляется достаточно сложной и заслуживающей отдельного исследования проблемой, обратим внимание на отдельные проблемные аспекты в рамках обозначенной темы.

В настоящий период времени вопросы социальной исторической памяти становятся все более актуальными. С ними связаны процессы национальной идентификации, приобретающие сейчас все большее значение. Интенсификация социальных коммуникаций с применением современных цифровых технологий может создавать впечатление о том, что формируется своего рода единая и однородная социальная общность. Но это впечатление иллюзорно. Для того, чтобы в глобальном масштабе сформировалось идентификационное единство, требуется трансляция значимой частью социума одинаковых в общем и целом смысловых значений. При этом очевидно то, что культурно-цивилизационные различия будут сохраняться в современном мире, несмотря

на глобализацию и информатизацию. Процессы дифференциации распространенных в социальной среде смысловых значений могут даже усиливаться под влиянием современных технологий. Не следует забывать того, что социальная память формируется не только и не столько спонтанно, сколько под воздействием целенаправленных усилий со стороны субъектов, которые профессионально интерпретируют исторические факты, феномены культуры и т. п. Таким образом, вопрос об особенностях социальной памяти народов России, о тех смысловых константах, которые в нее включены, выступает одним из самых значимых, особенно в условиях серьезнейшего информационного давления, оказываемого на страну и ее общественное сознание.

Ранее отмечалось, что на современном этапе развития в качестве одной из первостепенных потребностей общества и актуальных задач научных исследований выступает поиск и формирование нравственно-правовых ориентиров, которые бы позволили добиться активного развития народов России¹. При этом особо значима идея сохранения национальной самобытности и цивилизационной самодостаточности той социокультурной общности, которая сложилась в рамках «России — Евразии». Это определяет актуальность обращения к самостоятельной духовной традиции, сформировавшейся в контексте развития российской государственности².

Полагаем, при анализе особенностей правосознания, будет уместно обратить внимание на русскую философскую традицию. Не умаляя авторитет и значение отечественной юридической мысли, все же отметим, что создатели философских систем рассматривают правосознание в качестве элемента духовной культуры народа, зачастую не выделяя в качестве узкого предмета исследования, что придает еще большую системность осмыслению данного феномена. При этом сама философская мысль выступает не только комплексом методологических установок, на основе которых мы можем подойти к анализу феномена правосознания и его национальных особенностей. Философские системы в нашем случае могут сами стать предметом специального исследования, и мы можем обнаружить в них и проанализировать представления мыслителей о сущности, природе, роли и значении права в общественном сознании. Представители философской мысли сами выступают носителями генерализирующих смыслов, распространенных в национальной духовной культуре. При этом они так же выполняют функцию трансляции правовых смыслов и значений, способствуют формированию вполне определенных представлений об особенностях национального правосознания. Русская (в собственном смысле этого слова) философская мысль выступает в качестве религиозной философии. Она опирается прежде всего на православную вероучительную традицию. Расцвет русской религиозной философии пришелся, как известно, на рубеж XIX—XX столетий, но воззрения мыслителей этой эпохи сохраняют свою актуальность до настоящего времени и продолжают оказывать влияние на современное общественное сознание.

Обращая внимание на их воззрения, можно заметить, что они, признавали законодательное регулирование, полагая позитивное право в основу свободного развития индивида в обществе, роль правовых гарантий в жизни современного им общества, имеет большое значение. Именно энергичным поддержанием правового порядка государство и общественный организм могут гарантировать свободу личности. Анализ сущности права не выступал непосредственным предметом их исследований, но в тех случаях, когда развертывание философских систем позволяло им обратить внимание на данный вопрос, представители русской религиозной философии, конечно, занимали сторону идеалистических направлений, чаще всего тяготеющих к естественно-правовой линии.

При этом, ориентируясь на укрепление, а на рубеже XIX—XX веков уже и на возрождение национально-духовных ценностей, исходя из логико-теоретических оснований их учений (идея всеединства, софийности, православная догматика и др.), мыслители подвергли критике духовные основы светской культуры Нового времени (западного образца). Выход из духовного кризиса периода революций, Первой мировой и гражданской войны они искали на пути религиозно-нравственного совершенствования личности и общества. Правовым конструкциям на этом пути не отводилось центрального места. Более того, в работах представителей русской религиозной мысли мы встречаем явно уничижительные оценки роли и значения права в общественном сознании народа.

¹ Треушников И. А. Правовые аспекты проблемы «Запад-Восток» в философии всеединства // Философия права. 2009. № 2 (33). С. 17.

² Треушников И. А. Философское обоснование российской государственности // Вестник Нижегородской правовой академии. 2014. № 2 (2). С. 42.

В частности С. Н. Булгаков «вкладывает» в уста одного из героев своих «современных диалогов» следующую мысль: «“Правовой строй” да “правовое государство” — на эту удочку наш народ не подцепишь. Ему нужна личная, конкретная государственность, связанная с его душой. Вот когда освободится эта душа от революционного дурмана, тогда она изнутри актом творчества всенародного возродит и утраченную власть, тогда восстановится сама собой и Россия»¹. И. А. Ильин в своей работе «О сущности правосознания» дает глубокую, но, на наш взгляд весьма типичную, характеристику отечественного правосознания. Он обращает внимание на то, как «образованные», так и «необразованные» круги народа в одинаковой степени «не верят в объективную ценность права и не уважают его предписаний». Определенная часть российского общества, по мысли И. А. Ильина, рассматривает право как «неприятное стеснение» или в качестве инструмента, который можно использовать как «удобное средство защиты и нападения». Мыслитель, говоря о правосознании русского народа, с горечью констатирует: «Правосознание... укрывает в себе глубочайшие недуги и дефекты, внутреннее вырождение и духовное бессилие»². Приведенные примеры показывают каким образом большинство мыслителей, указанного выше направления, рассматривали особенности отношения к праву в России.

Данное представление не только фиксируется в их трудах, но и транслируется в рамках осмысления отечественной духовной традиции.

Справедливости ради необходимо отметить, что сами представители религиозно-философской мысли не игнорировали задачи формирования «правильного» правосознания. Они придавали существенное значение проблеме обоснования права, поиску его онтологических оснований и закреплению в общественном сознании. И. А. Ильин называет искомое правосознание «нормальным». Он формирует представление о нем как о задании для отечественного общественного сознания, полагая, что основной его характеристикой является «воля к цели права». Цель права, — отмечает мыслитель, — в конечном счете, обосновывает само право. В его интерпретации (мы рассматриваем ее в качестве примера рассмотрения права сквозь призму религиозной философии) высшей целью выступает реализация установок, которые продиктованы религиозными идеалами. В общем и целом правовой порядок лишается самостоятельного значения, но в этом нет ничего опасного для духовной сферы и регулирования социальных отношений, так как опора на абсолютный авторитет придает позитивной нормативности дополнительную устойчивость.

Современные авторы близкие к церковной среде отмечают (вполне в духе русских религиозных мыслителей начала XX столетия), что современный человек (особенно представитель образованного слоя) оторвался от «реалий церковной жизни». Как следствие, широкое распространение получили нигилистические настроения, отрицание традиционной национальной духовности. Сформировать здоровое правосознание на этой основе, по мнению авторов, невозможно. В качестве необходимой основы для оздоровления правосознания народа предполагается «религиозное чувство в его воцерковленной форме». И делается «вывод в духе полисиллогизма»: «Религиозное чувство — фактор, формирующий мировоззрение. Мировоззрение — детерминанта правосубъектности. Правосубъектность — стержень правовой культуры. Правовая культура — основа гражданского общества. Гражданское общество — главное условие правового государства»³. В общем и целом с этим можно согласиться. Религиозность позволяет утверждать абсолютный авторитет в качестве источника правовых смыслов и значений, что, несомненно, укрепляет саму иерархию позитивных норм. А в последнем конкретном случае идеал правового государства и, по всей видимости, конкретно-историческое его воплощение.

Положительная роль религиозности в деле укрепления авторитета законности отмечается и специалистами в отдельных отраслях права. Включенность религиозной веры в правосознание личности рассматривается в качестве фактора, который способствует формированию «стереотипа законопослушной жизни», обеспечивает складывание «правильного правового сознания»⁴.

¹ Булгаков С. Н. На пиру богов (современные диалоги) // Сочинения: в 2 т. Т. 2. С. 587.

² Ильин И. А. О сущности правосознания // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4 / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М., 1994. С. 160.

³ Кольбанов А. В. Правосознание и религия: взаимосвязь и социальное значение // Научные труды Самарской Православной Духовной семинарии. Сборник трудов посвящается 160-летию со дня образования Самарской и Сызранской Епархии. Самара, 2011. С. 230, 232.

⁴ Лещенко О. В. Влияние религии на правосознание несовершеннолетних осужденных // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 1 (23). С. 73.

Очевидно то, что позитивный нормативный порядок в конечном итоге оказывается подчиненным религиозно-нравственным установкам.

Формирование правосознания религиозного характера и вообще распространение религиозности в современном общественном сознании вопрос отдельный. Однако в современном правовом сознании, на наш взгляд, могут формироваться конструкции, которые по своим характеристикам приближаются к религиозным. Они воспринимаются основной массой носителей общественного сознания не критично, причем как на низшем, так и на высшем уровне. Роль этих идеологов (мифологов) в общественном сознании достаточно велика. Они несут значимые для идентифицирующих себя с определенной социальной общностью индивидов смыслы.

На настоящем этапе общественного развития, как это не странно на первый взгляд звучит, по мнению некоторых современных исследователей, мифологические конструкции могут занимать определенное место в общественном сознании и даже собственно в правовом сознании, выполняя определенную функцию. Достояна внимания достаточно интересная мысль, в работе Ф. Б. Рахманова, посвященной анализу мифологической составляющей права. Автор обратил внимание на то, что для человека современной эпохи, которая ориентирует нормативность на защиту прежде всего персональных ценностей атомизирует социальную действительность, выступает актуальной ориентацией на надындивидуальные конструкции. Они позволяют «одухотворить» правовую реальность, освободить человека от сомнений. В современном правосознании, по мысли автора, можно обнаружить различные «фигуры мифомышления». В частности духовная апелляция к высшему авторитету (выражающаяся в ориентации на легитимирующие нормативную систему феномены, которые определяются в зависимости от методологической установки). Кроме того, апелляция к «высшей справедливости» («чуду»). Также «апелляция к тайне» (осознание непостижимости мира права в его «конечной глубине»)¹. Несмотря на дискуссионность общей установки и используемой терминологии, наличие в правовом сознании устойчивых представлений, принимаемых и транслируемых значимым большинством, как обычных носителей общественного сознания, так и профессионалами-исследователями, не вызывает сомнений.

Следует обратить внимание на то, что идеологемы в правосознании (вне зависимости от того носят они мифологический или религиозный характер) могут оказывать на коллективно-историческую социальную память различное влияние: возможно, положительное, в том случае, когда они способствуют укреплению общего представления о значимости иерархии норм, но, возможно, и отрицательное в том случае, когда они затрудняют осмысление сущности правового феномена или закрепляют комплексы отрицательных представлений об особенностях национального правосознания. Эти представления объективируются и оказывают существенное влияние на оценки тех или иных феноменов правовой реальности, да и на саму логику их исследования. Вырваться из смыслового поля этих представлений часто весьма сложно, но, на наш взгляд, необходимо (что периодически наблюдается)².

Анисин Андрей Леонидович,

доктор философских наук, доцент, профессор кафедры теории и методологии государственного управления Академии управления МВД России

Правотворчество как память и как продуктивное воображение

Всякий социальный процесс включает в себя как элементы традиции, так и элементы новаторства. Никакой, даже самый последовательный консерватизм не может не откликаться на новые вызовы, перед которыми встает общество. Никакой, даже самый безоглядный революционный прогрессизм никогда не может отвергнуть в прошлом все и начать с нуля. Эти истины достаточно тривиальны и вполне распространяются на право как социальный институт. С одной стороны,

¹ Рахманов Ф. Б. Взаимосвязь права и мифологии // Право и современные государства. 2016. № 1. С. 39–40.

² Марченя П. П. Массовое правосознание как критерий идентичности: «две России» и миф о русском нигилизме // Групповая идентичность в истории и культуре: этнос, религия, социальный организм. сборник научных статей. Московский гуманитарный университет, Кафедра истории, Кафедра философии, культурологии и политологии; ред. кол.: С. В. Алексеев (отв. ред.) и др., Москва, 2011. С. 110–115.